



Наш край — Загородье

Историко-краеведческая газета Дрогичинского района

№ 12, декабрь 2010 г.

Читайте в номере:

с. 1-10 **ВОСПОМИНАНИЯ ВАСИЛИЯ ГАРАПУЧИКА**

с. 10-12 **ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРЫ РАПИНЧУК**

*Партизаны проходят маршем
через полесскую деревню. 1943 г.*



Воспоминания Василия Гарапучика,

уроженца д. Салово, 1922 года рождения, одного из первых советских учителей

Дрогичинского района, о некоторых событиях периода

Великой Отечественной войны в Дрогичинском районе, очевидцем которых он был

В предвоенные годы

В 1939 г. в Дрогичине я окончил 7 классов польской школы. Осенью того же года Красная Армия освободила наш район от власти Белого Орла. Настала новая

жизнь, к которой, правда, относились все по-разному. К сожалению, большинство польских учителей и осадников было вывезено в Сибирь. Местных учителей было мало, а для школ

срочно были нужны кадры.

В 1940 г. в Дрогичине были открыты учительские курсы. Я поступил на учёбу, которая длилась с февраля по июль. После окончания получил свидетельство учителя начальных классов. Я был доволен тем, что стал одним из первых советских учителей в районе.

В августе 1940 г. по распределению попал на работу в Переспенскую начальную школу. Там я успел проработать всего один год. Заведующим школой был Геннадий Репнинский, который до этого работал в нашей саловской школе. Мне очень повезло, по-

тому что я с ним был хорошо знаком, и он меня многому научил, особенно владению русским языком. Нашим помощником по ликвидации неграмотности среди населения был Алексей Николайчик, впоследствии партизан отряда Макаревича.

Школа в Переспе размещалась в частном доме. В то тяжёлое время молодёжь на селе была весёлая и певучая. Часто в школьном классе проводились танцы и вечеринки. Наши учителя организовали при школе драматический и хоровой кружки, ставили пьесы и пели песни. С концер-

тами выступали в Немерже, Бурмаках и даже в моей Салово. Тогда в обязанности учителя входило и проведение идейно-воспитательной работы с населением. К нам в деревню часто приезжали и выступали представители из района по вопросам внутренней и внешней политики СССР.

Помню, как на лекцию о подписании мирного договора СССР с Германией в школу пришло много людей. Все внимательно слушали лектора. Задавали вопросы, на многие из которых лектор ответить не смог. К сожалению, мирное время было недолгим.

Великая Отечественная война и оккупация

Уже 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Спустя всего несколько дней территория Дрогичинского района была оккупирована немцами. В районе начала формироваться новая власть, которая обратилась с призывом к учителям зарегистрироваться. После короткого раздумья я так и сделал. В середине 1941 г. оккупационная власть нам организовала месячные курсы по переподготовке в антопольской школе. Языком обучения становился украинский, так как район был присоединён к рейхскомиссариату «Украина». После окончания курсов нас распределили по школам района. Меня направили в бездежскую школу. В этой школе я проработал первое полугодие, но в связи с организацией заклетенской школы был переведён туда. Работал учителем начальных классов. На следующий год меня перевели в саловскую школу. Директором школы была бывшая польская учи-

тельница Кардечко. В Салово я проработал весь учебный год. Это был последний год работы, потому что уже в 1943-1944 гг. школы не работали. К этому времени район стал почти полностью партизанской зоной, и большинство школ партизаны сожгли.

Первые партизанские группы появились в нашем районе весной 1942 г. Сведения о положении дел на фронте и о партизанах распространялись местным населением и передавались из деревни в деревню. В окрестных лесах замечали передвижение неизвестных вооружённых людей, бежавших из плена красноармейцев, прятанных евреев и др. Вскоре по ночам в окрестности нашей деревни начали появляться мелкие вооружённые группы. В основном им нужны были одежда, продукты и ночлег.

Тогда ещё в деревне находились представители немецких властей: староста и полицейский. Возле управы был подвешен рельс, при ударе о который все жители должны

были собираться в центр деревни для решения возникших задач. Один такой случай я хорошо помню. Дело было так. Под прикрытием темноты на один из хуторов зашла группа партизан. Внезапно зазвенел рельс, и люди, в том числе и мой отец с соседями, пошли на место сбора, но по дороге они встретили партизан, которые вернули всех обратно. На звук пришли единицы. Этот случай проучил полицию, который через несколько дней сбежал в Дрогичин.

Оккупанты начали проводить мобилизацию молодёжи на работы в Германию. Первый такой набор ими был организован осенью 1942 г. Тогда с нашей деревни забрали несколько парней и девочек. Через два месяца проводили второй набор и так происходило несколько раз.

Важное для меня событие произошло в начале 1943 г. Были рождественские праздники, и хотя шла война, но молодёжь жила своей обычной жизнью. В нашей деревне жил парень 1915 года рождения,

холостяк, который хорошо играл на гармошке. Бывало, сядет на скамейку возле своего дома и играет. Услышав музыку, молодёжь собиралась к его дому. Под музыку танцевали, веселились, забывая о войне. Там на одной из вечеринок я познакомился со своей будущей женой Анной. После окончания одной такой вечеринки начали расходиться по домам. Тогда я первый раз провёл свою любимую домой. Возле её дома мы немного постояли, и, попрощавшись, я пошёл к себе. Тут я увидел, что со стороны Дрогичина на повозках едут вооружённые люди. Мне пришлось вернуться обратно и спрятаться за дом Анны. Ночь была лунной. Меня заметили трое мужчин и подошли ко мне. Они спросили, кто я такой и почему так поздно нахожусь на улице. Я всё подробно объяснил. Чтобы убедиться в правильности моих слов меня завели в дом. К моему счастью, Анна открыла. Убедившись, что я не врал, один из партизан представился командиром партизанского отряда и сказал, что его зовут Евгений Макаревич. У меня в кармане были часы с цепочкой, а в руках фонарик. Заметив эти вещи, командир потребовал их отдать. Я был вынужден подчиниться. Через некоторое время партизаны, перекусив в хате Анны, ушли, приказав мне оставаться там ещё двадцать минут.

На второй день я узнал, что группа партизан вместе со своим командиром побывала и в нашей деревне, в доме моего друга, тоже учителя, Александра Ивановича Сергейчика. Это был первый случай появления у нас партизан. Партизанское движение усиливалось, а я по-прежнему продолжал учить детей в са-

ловской школе.

Немецкие власти прилагали все усилия, чтобы вывести молодёжь в Германию. Самый массовый набор был в конце мая 1943 г. Тогда они вывезли молодёжь 1923-1926 годов рождения. Многие, чтобы избежать выезда в Германию, прятались в лесах и на хуторах. Немцы на машинах с громкоговорителями угрожающе требовали вернуться в деревню. Для устрашения людей в д. Сутки немцы даже спалили дом и расстреляли семью Рудых. Многие из страха, что будут сожжены дома и расстреляны их родители, возвратились и уехали в Германию. В деревне оставалась пока молодёжь 1920-1922 годов рождения. Меня не отправляли, потому что я учил детей. Последний набор был в июне 1943 г. Повестку получил и я. Пришлось ехать на сборный пункт в Дрогичин. В это время я заболел. Врач, который нас проверял, дал мне справку, по которой меня вернули домой, а может быть, помог заводилом образования, который в отправочной комиссии работал переводчиком и хорошо меня знал. К этому времени в деревне из молодёжи остались те, кто родился до 1920 г. и моложе 1927 г. Мне приходилось прятаться в сарае, потому что могли в любое время забрать.

К августу 1943 г. произошли большие изменения в жизни односельчан. К нам в деревню прибыл батальон мадьяр и расположился на постой. На центральной улице из домов выселили всех жителей. В освобождённых домах разместились солдаты, а в сараях — лошади и телеги. Нынешний дом № 13 по ул. 8-го Марта заняли под штаб батальона. Мадьяры назначили Герасима

Марчука старостой деревни — «биро». Как потом выяснилось, ему порекомендовали эту должность партизаны. Он был связным и по окончании войны чувствовал себя в безопасности.

Немецкие оккупанты не только вывозили молодёжь в Германию, но всячески старались ограбить людей. Было приказано сдать всем, у кого есть, жернова, чтобы не пекли хлеб для партизан. Некоторым жителям удалось их спрятать. Все постройки с хуторов приказали перевезти в деревню. Дома перенесли, а вот сараи у большинства остались. Остался и наш сарай на хуторе. Кормить корову и лошадь приходилось ходить ежедневно три раза на расстояние более километра. Жернова сохранились и у нашего родственника, бывшего члена КПЗБ, Мирона Сергейчика. Меня с братом Павлом отец посылал к нему молотить зерно. Мирон рассказывал мне о положении на фронте, приказывая об этом никому не говорить. О том, что узнавал, я говорил лишь своему отцу и дяде Кириллу Быру. Однажды после помола зерна Мирон показал мне листовку со сводкой Совинформбюро, и я внимательно её прочитал.

Весной 1943 г. местную молодёжь мадьяры стали привлекать на работы. На работу ходил и я. В основном мы чистили сараи, убирали территорию, ремонтировали дороги и выполняли другие работы. Некоторые мадьяры неплохо знали русский язык, и с ними было легко общаться. В батальоне также были чехи и словаки. Словацкий язык был похож на наш, а чешский — на польский. Поэтому они нас понимали, а мы — их. Словаки всячески помогали населению выжить. Приносили папиросы,

табак, консервы, перец, коробочки с жиром для освещения комнат и другие необходимые вещи. Они были фронтовиками и на рожон не лезли. Отношения с жителями нашей деревни были нормальными. Магьяры даже просили, чтобы мы выполняли условия коммандантского часа.

Весной 1943 г. партизанское движение усилилось. Началась активная борьба с оккупантами. Если раньше почти в каждой деревне были полицаи, то теперь полицейские участки сохранились лишь в крупных деревнях, таких как Хомск, Брашевичи, Попина, Бездеж, Осовцы. Но и эти участки партизаны периодически громили. В Хомске, например, местная полиция без боя сдалась партизанам отряда Евгения Макаревича. К середине 1943 г. появились партизанские зоны.

Магьяры организовывали рейды вглубь партизанской зоны и устраивали там засады. У мирного населения забирали в основном сено, дрова, зерно, полотно, овечьи шкуры и др. Они организовали службу разведки. По деревням бродили магьярские сыщики и провокаторы.

Всех подозрительных хватали и везли в Дрогичин в тюрьму. Тюрьма была оборудована при штабе полка в подвалах здания нынешнего райисполкома.

К концу 1943 г. магьяр-фронтовиков отправили на родину, а вместо них прибыли молодые, только-только призванные в армию. Первые два месяца с населением общались строго. Укрепили свои объекты вокруг дзотами и траншеями. Ночью территория освещалась ракетами. Они часто выходили в засады на партизан в лес под Ровины,

Вульку Симоновичскую и Симоновичи. Зимой были экипированы в белые маскхалаты и передвигались на лыжах. Спустя некоторое время отношение к местным жителям поменялось в лучшую сторону.

Чехи и словаки познакомились с молодёжью, и всё стало как прежде. Некоторые магьяры даже пытались знакомиться с нашими девушками — молодость брала своё. По-прежнему использовали местное население для выполнения работ, в организации которых помогал им «биро».

Однажды Герасим Марчук возвращался от магьяр домой. Проходя мимо нашего дома, увидел меня на скамейке и подошёл. Мы начали говорить. Он мне сказал, что магьяры знают, что я — учитель и, по видимому, будут вызывать в штаб. И сразу же стал давать мне дельные советы на случай допроса. На все вопросы я должен отвечать: «не знаю». Если будут спрашивать о людях, называть фамилии сельчан и задавать вопросы, где они, то я должен сказать, что выехали на заработки ещё в 1940 г. и т. д.

Так вскоре и случилось. Через неделю к нам в дом пришёл магьяр и повёл меня в штаб. Посадили в хату на скамейку, и начальник штаба через своего переводчика, словака Ференца, начал задавать вопросы. Я отвечал так, как мне сказал «биро». Вскоре, не выявив ничего подозрительного, меня отпустили. После этого случая я чаще стал советоваться с «биро» по различным интересующим меня вопросам и даже стал выполнять его просьбы и указания. Я стал активно сотрудничать с ним.

Через какое-то время меня

снова вызвали в штаб по тем же вопросам. Один офицер внимательно следил за моим поведением, но всё-таки меня отпустили.

Наша молодёжь собиралась в доме «биро». У него была дочь, к которой приходили подружки и оставшиеся парни-подростки. Приходил иногда и я, а также те, кто не был вывезен в Германию. Иногда заходили и словаки с магьярами. На вечерках девушки вязали варежки, вышивали...

Через некоторое время опять на скамейку ко мне присел «биро». Мы разговорились о проблемах. Потом он отметил, что наши девушки что-то очень улыбаются магьярам. Самое главное, чтобы они не выдали кого-нибудь и не натворили беды. Я пообещал повлиять на ситуацию и объяснить девушкам, что это враги и с ними нужно быть осторожно. Просьбу «биро» я выполнил. Об этом первоначально сказал своей сестре Марии и другу Василию Сергейчику. Через некоторое время я заметил, что молодёжь стала более осмотрительной.

В это время я начал писать стихотворения на местном говоре. Писал своей будущей жене, потому что встречаться с ней было почти невозможно. Много строчек посвятил и своей матери. Затем у меня появилась мысль писать стихотворения, с критикой девиц за их отношения с магьярами. Эти стихотворения я читал на вечеринках в их присутствии. Это тоже имело результат.

Работа наших партизанских связных проводилась очень скрытно. Мирон Сергейчик, родственник моей матери, доверял мне, а я — ему. «Биро» тоже относился ко мне хорошо, поскольку я учил его детей, а он всегда говорил:

«Ученье — свет, а неученье — тьма».

В марте 1944 г. к магьярам в последний раз пришло пополнение из Венгрии. Они дополнительно выселили жителей из домов на нашей улице. К нам вселили офицера и двух солдат для его охраны. Он три ночи ночевал с нами, а днём уходил в расположение батальона. Магьяр знал немецкий язык и с моим отцом мог разговаривать, так как отец в Первую мировую войну, находясь в плену, освоил их язык. Этому офицеру не разрешили дальше жить с нами, поэтому нас выселили из хаты к Кириллу Быру. Продукты питания оставались в кладовке. Отец через день ходил и брал их. Посылали иногда и меня. Однажды, идя домой, я увидел в окне у соседа Якимы Бабича трёх мужчин. Там были хозяин, переселенец Тимофей Марчук и магьяр в больших очках. Я пошёл дальше, но за-

метил, что за мной следят. Я зашёл в свой дом и через окно увидел, что к нам идёт магьяр в больших очках. Зайдя в дом, сыщик потребовал всем выйти. Начал меня допрашивать. Задавал обычные вопросы: «Кто такой? Где родители? Почему хожу по улице?» и т. д. Через некоторое время ушёл. Об этом я сразу же рассказал дяде и отцу. Видимо, это всё из-за того, что меня подозревали в распространении сведений из прочитанных листовок.

Вскоре наш дом офицер освободил, и мы вернулись назад. Магьяры и немцы продолжали использовать на работах мужчин. Немцы начали выкладывать брёвнами половину ширины дороги Дрогичин — Пески, на строительство которой в Берёзовский район выгнали саловскую и сутковскую молодёжь. Они жили в д. Войтешин. Многие из них пострадали из-за того, что партизаны постоянно об-

стреливали участки, где велись работы. Тогда был ранен и мой друг Виктор Иванович Сергейчик. Некоторые заболели, были ещё и покалеченные.

Через неделю магьярский сыщик явился в наш дом и арестовал меня. В тот же день вместе с колонной на повозке доставили меня в Дрогичин. Телега остановилась возле здания нынешнего райисполкома. Завели меня в комнату № 45, где находился следователь. После непродолжительного допроса отвели в подвал, где была тюрьма. В камере находились уже три человека. На бетонном полу была лишь горсть соломы, на которой спали заключённые. Жизнь тех, кто находился в камере, была на волоске. Ожидая допроса, большую часть времени мы стояли у окошка или сидели на полу. Заключённых тюрьмы магьяры часто выводили на расстрел. Многие люди прошли через эту тюрьму.



Жители деревни уходят в партизаны. 1943 г.

Помню один такой случай. Во время рейда мадьяр на Вульку Симоновичскую были схвачены две девушки. Одна из них работала до войны учительницей в школе. Привезли их на ночлег в наш дом. До полуночи их мадьяры допрашивали, а на второй день забрали и увезли в Дрогичин. Их дальнейшую судьбу я не знаю.

Вместе со мной в камере находились: Алексей Фёдорович Граник из д. Беленок, который избежал расстрела, а также Антон Герасимович Игнатчик из д. Гошево, который был расстрелян.

В соседней камере находился

Пётр Герасимович Игнатчик из Гошево, родной брат Антона. Находясь у окна камеры, мы видели, как мадьяры вели его на расстрел. Его узнал брат и сказал нам. Та ночь для нас была страшной и бессонной.

В освобождении меня из мадьярской тюрьмы помог Герасим Марчук. Через некоторое время он убедил начальника штаба саловского батальона поехать в Дрогичин к следователю и добиться моего освобождения. Верхом на лошадях «биро» и начальник штаба с переводчиком приехали для решения этого вопроса. Потом Герасим Марчук

Бой в имении Остревки

Имение Остревки принадлежало русским помещикам Богурским. Его последней хозяйкой была София Богурская. После гибели мужа она вышла замуж за поляка Баньковского, и имением стал управлять её второй муж. В 1939 г. после начала Второй мировой войны он уехал в Польшу. Усадьба находилась на перекрёстке, возле дороги на Ровины. До нашего времени сохранился лишь склеп у дороги.

Мадьяры в Салово и немцы в Сутках имели телефонную связь с Дрогичином. Осенью 1943 г. партизаны около имения ночью спилили столбы. Провода упали на землю, и связь прервалась. Утром мадьяры решили выяснить причину отсутствия связи и поехали по линии. Линию вскоре восстановили.

Где-то в феврале 1944 г. партизаны опять спилили телефонные столбы, однако повредили гораздо большее их количество. На этот раз мадьяры решили привлечь для

ремонта местных жителей. Узнав, что мадьяры будут восстанавливать свою линию связи, партизаны решили организовать засаду и разгромить их. Выпив водки, сели на подводы и через Гошево и хутора Вульки Симоновичской после обеда прибыли к усадьбе Остревки. В лесу недалеко оставили лошадей, а сами подошли к месту засады и затаились.

Утром мадьяр Слобода (он отвечал за обеспечение работ) прошёл по улице и собрал мужчин. Всего около десяти человек. Меня тогда на работу не привлекли. Мадьяры посадили всех на повозки и поехали восстанавливать связь.

Когда работа была окончена, и мадьяры возвращались в Салово, партизаны открыли по ним огонь. Обстрелу подверглись первые три повозки и лошади. Наши хлопцы с началом стрельбы попадали в кювет. Начался бой. Слышны были команды с обеих сторон. Крики и ржанье лошадей заглушались взрывами гранат. Командир одной группы пар-

тисан рассказал, что со следователем разговор длился больше часа. Отъезжая обратно перед окном камеры, переводчик сказал: «Василь, будьш дома». И через часа четыре меня освободили. В тот же день я пешком пришёл домой.

Дальше продолжал принудительно трудиться на мадьяр по благоустройству их территории, очистке сараев и строительству укреплений. Я понимал, что за мной продолжается слежка. В дом родителей приходили мадьяры даже ночью. Я старался быть осторожным, но Марчуку доверял и с ним общался.

Партизан поднял своих в атаку. Его сразу же сразила автоматная очередь. Командир второй группы партизан, который находился с другой стороны усадьбы, решил завладеть пулемётом, оставленным мадьярами. По кювету, ползком, добрался до пулемёта, но рядом находился затаившийся мадьяр, и когда партизан попытался взять пулемёт, тот сразил его наповал.

Бой был скоротечный, но жаркий. Партизаны, потеряв своего командира, отступили и на повозках уехали в сторону Вульки Симоновичской. Мадьяры не решились их преследовать и пешком вернулись в деревню. Убитых партизан и своих они привезли на подводе.

На следующий день мадьяры снова вызвали местных жителей на работу. На сборный пункт явились все те, кто накануне работал на восстановлении линии связи и ещё дополнительно несколько человек, в том числе и я. Нас привели к мадьярскому штабу. Там всех построили в шеренгу лицом к стенке дома.

Мы сильно волновались, не зная, что будет. Я оглянулся и увидел в саду привязанные к деревьям два трупа партизан, убитых накануне. Мне стало ещё страшнее от того, что я увидел.

Через некоторое время из дома вышел начальник штаба с переводчиком. Он сказал, что Салово заминировано и будет взорвано в случае нападения партизан. Затем нас посадили на подводы и повезли в сторону Дрогичина. Мы

сидели и дрожали, не зная, куда нас везут. Мадьяры остановились на месте вчерашнего боя. На дороге лежали убитые лошади, а на снегу была кровь. Нам приказали построиться в шеренгу. Тут подошёл мадьярский офицер с переводчиком и сказал, что мы будем убирать территорию боя. Каждый из нас получил задачу. Главными задачами были убрать убитых лошадей с дороги за пределы усадьбы и разобрать постройки. Мы с то-

Рейд мадьяр вглубь партизанской зоны

Осенью 1943 г. немцы и мадьяры организовали рейд в северную от Дрогичина партизанскую зону по маршруту: Салово — Хомск — Переспа — Марковичи — Лясковичи — Переспа — Симоновичи — Дрогичин.

Было всё так. В один из осенних дней утром нас, саловцев, как обычно, выгнали на работу, в том числе и меня. Всего пришло 12 человек. Как всегда собрались на дороге возле первых хат деревни с южной стороны. К нам подошёл мадьяр и сказал, чтобы мы пошли на северную окраину деревни. Мы так и сделали. Работать пока не заставляли. Видно, что наши мадьяры куда-то собираются, запрягают лошадей в повозки, формируют колонну. Со стороны Дрогичина в нашем направлении двигалась ещё одна колонна. Только тогда до нас дошло, что работать мы сегодня не будем.

Через некоторое время подошли к нам два мадьяра с автоматами и приказали идти впереди колонны. Мы шли шеренгой на расстоянии 50 метров от колонны. Нам приказали не оглядываться и не растягиваться. Получалось,

что мы были «живым щитом» на случай нападения партизан.

Дрожь и страх овладели мной. Нас гнали как баранов. Мы часто спотыкались, но шли по дороге. В Хомске возле перекрёстка колонна остановилась. Мадьяры разбрелись по местечку. Через некоторое время смотрим: ведут пойманного человека. Недалеко от нас за домом его расстреляли. Мы видели, как мадьяр нёс снятые с убитого сапоги. Кого расстреляли, никто из нас не знал.

Мы испугались ещё больше. Дальше нас погнали на западную окраину местечка. На окраине колонна остановилась. Нам разрешили недолгий отдых. Во второй половине ночи всех разбудили и построили опять в шеренгу по ширине дороги. Вскоре началось движение в сторону Переспы. Ближе к деревне нас окликнули: «Кто идёт?». Это был партизанский патруль. Партизаны поняли, что в колонне есть враги. На лошадях партизаны лесом помчались в деревню, чтобы предупредить людей об опасности. На расвете наша колонна въехала в Переспу. Было видно, как

варищами разбирали постройки и складывали материалы на подводы, а мадьяры возили их в нашу деревню.

Работали целый день до вечера. Но в последующие дни в имение мадьяры нас не брали. Они туда ездили сами, а мы работали на них в деревне. К сожалению, где похоронены погибшие тогда два партизана, мне неизвестно. Видимо, их мадьяры похоронили в огороде возле своего штаба, где стоит искать.

люди со скотом на повозках удирали в сторону Немержи. По ним мадьяры открыли пулемётный огонь, а затем начали догонять. Нас оставили под охраной, а забранный скот мадьяры согнали в стадо. После этого нас разделили на две группы. Одну заставили впереди гнать коров, а вторую закрепили за повозками. Я шёл и управлял повозкой, а мадьяры ехали на ней.

Между Переспой и Марковичами дорога шла через лес. Недалеко от Марковичей партизаны опять устроили засаду. Когда голова колонны уже вошла в деревню, то партизаны неожиданно открыли стрельбу. Начался бой. Голова колонны была в Марковичах и избежала обстрела. Через минут пять после выстрелов из пушки бой затих. Силы были неравные. Поговаривали, что у мадьяр были потери.

В Марковичах мадьяры позавтракали. Нам принесли обедки. Оккупанты бродили по деревне и грабили. Где-то после обеда колонна построилась и двинулась на запад. В это время подожгли несколько деревенских хат. Мы видели, как пылают крестьянские усадьбы. Страх овладел нами,

особенно когда дорога пошла через лес. Мы по-прежнему шли двумя группами. Одна впереди колонны гнала коров, а вторая — управляла повозками. Я оставался во второй группе. К этому времени повозки были полностью нагружены награбленными вещами.

Через два часа наша колонна прибыла в д. Лясковичи Берёзовского района. Нас завели в дом для ночлега. Ночь прошла тихо. На следующий день мадяры чем-то занимались, но нас держали под охраной. Потом выяснилось, что оккупанты грабили дома и занимались убоем скота. На обратном пути коров уже не было.

Наступил вечер, стемнело.

Фронт приближался к нашему району. Была слышна с юга артиллерийская канонада. Этому радовались все жители. Мадьяры всё реже стали нас привлекать на работу — им стало не до нас. Было понятно, что скоро придут наши.

За неделю до этого пошли слухи, что в лесу между Салово и Ровинами появилось много немцев. Молодёжь и

Нас вывели из дома и распределили по повозкам. Каждому поручили управлять лошадью. На каждой повозке сидело по два мадяра с автоматами. Они наблюдали за нами. Наконец, колонна двинулась в обратный путь. Лошадь, которой я управлял, еле тянула повозку. Подгонять криком «но!» запрещалось. Я дёргал её только вожжами.

Местность вокруг Переспы для меня была знакома, так как до войны в этой деревне мне пришлось учительствовать. Около Симоновичей колонна остановилась — был разрушен мост через канал. На ремонт мадяры потратили почти час времени. В это вре-

Накануне освобождения

жители оставили свои дома и тоже ушли в лес. Наш хутор был близко от леса. На хуторах жили и соседи. Лошади и коровы также были в лесу. Люди доили коров и питались в основном молоком. Спали в лугах и кустах на траве.

Однажды к нам в лес пришёл с автоматом власовец. Просил показать дорогу к партизанам, но никто ему ничего не сказал. Все боялись, что

мя над Переспой уже пылало зарево. Это мадяры подожгли сельские хаты, чтобы было освещение для ремонта моста. Огромное зарево было видно даже в соседних Симоновичах.

Мост восстановили, и колонна двинулась на Симоновичи. Въехав в деревню, мадяры разделились на три колонны. Одна пошла в Беленок, вторая — в Дрогичин, а третья с нами в Салово. Через некоторое время колонна остановилась в нашей деревне возле штабной избы. Лошадей забрали, и мажар привёл меня к родительскому дому. Я сразу же лёг спать.

это — разведчик, засланный из Ровин. Через некоторое время немцы организовали облаву. Они нагрянули в лес, где прятались люди и скот, и начали стрелять вверх. Забрали лошадей, коров и погнали в Сутки. Захватили и нашу лошадь с коровой, но та вернулась домой — сбежала из загоры к своему телёнку. Немцы стреляли по ней, но не убили. Какой-то части жителей

удалось уйти вглубь леса и унести с собой скотину. Скрылся со своим соседом в лугах и я. На второй день вечером мы уже слышали бой у д. Кремно и наблюдали налёт советской авиации на станцию Липники.

В этот же день в сторону Бе-

ленка ушли из нашей деревни вместе с немцами и мадяры, а скот немцы погнали из Сутков в сторону Берёзы. Немцы перед отступлением возле Островок взорвали мост. Уже 16 июня 1944 г. перед Вулькой Симоновичской был короткий бой.

О тюрьмах в Дрогичине

Во время войны в Дрогичине были две действующие тюрьмы — бывшая польская тюрьма, которая находилась за городским кладбищем во дворе милиции, и мажарская, размещавшаяся в подвале здания райисполкома, где тогда находился штаб мажарских частей, которые несли службу по охране дорог и вели борьбу с партизанами.

В нынешнем здании милиции размещалась немецкая полиция и жандармерия. Всех, кто попадал под подозрение, оккупанты заключали в свою тюрьму. Некоторых после допросов выводили во двор и расстреливали. Рядом было кладбище, поэтому убитых закапывали именно там, у тюремной стены с севера и запада. В 2004 г. на этом месте установлена мемориальная плита.

...Я был свидетелем эксгумации погибших и видел своими глазами, как в 1945 г. комиссия по расследованию

злodeяний оккупантов проводила раскопки уничтоженных мирных жителей и партизан у тюремной стены.

Было это так. После войны там, где была старая больница, открылся Дом культуры. Он находился прямо напротив раскопанных могил. В день эксгумации у нас проходила учительская конференция. После её окончания учителя стали выходить на улицу. По другую сторону улицы мы увидели большую толпу людей и свежескопанную землю. Пошёл туда и я.

Картина увиденного была страшной. В раскопанных ямах лежали трупы со связанными колючей проволокой руками, а в одной яме был труп молодой женщины с отрезанной головой. Было очень страшно. В выкопанной яме стоял человек. Потом мы узнали, что это был Созонт Якуш, заместитель коменданта полиции Дрогичина во время оккупации, из д. Брашеви-чи, которого сотрудники МГБ

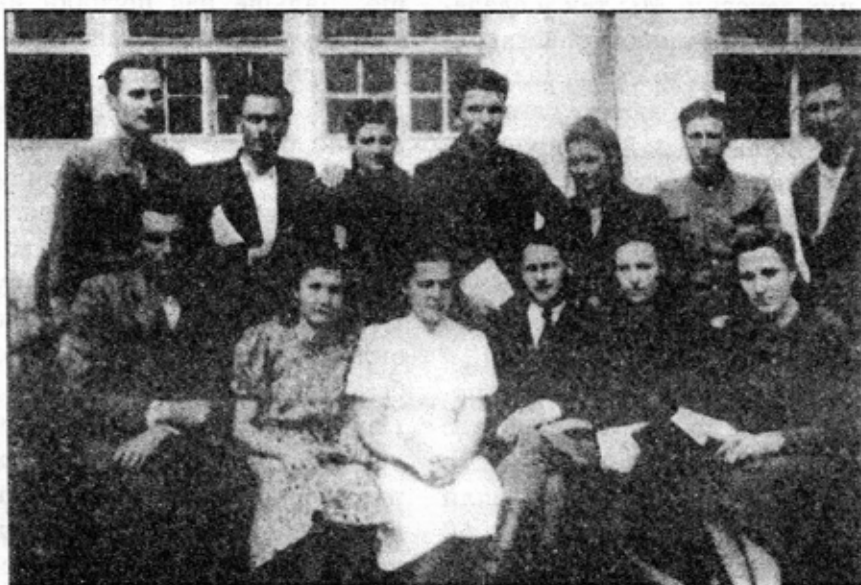
После того, как мы узнали, что в нашей деревне Красная Армия, то вернулись домой. К нам в дом зашли несколько бойцов. Моя мама их угощала хлебом и поила молоком. Радовались все. Эту ночь спокойно спали в своих домах.

поймали и заставили раскапывать известные ему могилы. Туда же подходили люди в надежде опознать своих близких или знакомых. Когда начало темнеть, то народ начал расходиться. На протяжении нескольких дней люди приходили для опознания трупов. Я лично хотел опознать тело своего бывшего заведующего Переспенской начальной школы Геннадия Репнинского, которого вместе с его отцом расстреляли. Спустя нескольких дней, руководством района было принято решение перезахоронить погибших в застенках тюрьмы, а предателя судили и повесили.

Совсем недавно в беседе с жителем нашей деревни Василием Григорьевичем Марчуком я узнал, что немцы и полиция расстреливали мирных жителей и в восточной части города, где тогда был карьер. Сейчас там установлен памятник.



Василий Гарапучик. 1946 г.



Первые учителя Дрогичинского района. Василий Гарапучик сидит 1-й слева. 1946 г.



О моём отце Петре Филипповиче Гаранушке

Родился мой отец в д. Салово в 1882 г. В его семье было пять сыновей и две дочери. Он был самым старшим. Моему отцу пришлось много трудиться и воспитывать младших. Жизнь была тяжёлой и суровой — не хватало еды и одежды. Крестьяне жили в постоянной нужде. В поисках лучшей доли многие уезжали на заработки в США. В 1910 г. со своими товарищами туда уехал и мой отец. Проработав два года, он вспомнил, что ему в 1913 г. нужно было идти в армию. Поэтому отец, заработав немного денег, вынужден был вернуться домой. Так он попал в царскую армию. Местом его службы стал пехотный полк, расположенный недалеко от Кракова. В связи с тем, что отец умел играть на гармошке, его зачислили в полковой оркестр. В 1914 г. грянула Первая мировая война. Немецкие войска двинулись на Россию. Так мой отец оказался на фронте. Мне запомнился один эпизод, о котором отец любил рассказывать...

...Это было на юге Польши в горной местности, покрытой лесом. Солдаты получили

приказ наступать на немцев. Начался ужасный бой. Русская пехота с криками «ура!» атаковала немецкие позиции. На пути наших наступающих подразделений оказался глубокий овраг, который не простреливался немцами. В нём можно было уцелеть от пулёмётного огня. Туда и спрятались человек 25 пехоты. Несколько раз солдаты пытались взобраться на другую сторону оврага, но было бесполезно — слишком крутым был склон. Вскоре осколком убило командира. Никто не знал, что делать дальше. Через некоторое время бой стих. Наступила ночь. Некоторые солдаты расположились на дне оврага и уснули. Утром они нашли выход из оврага, но куда двигаться, никто не знал. Пошли в том направлении, откуда наступали. Вдруг в лесу они увидели группу солдат. Залегли и приготовились к бою. Всё-таки уверенности в том, что это были наши, не было. Оказалось, что их уже окружили немцы. Сопротивляться было бесполезно, и они сдались в плен.

Через некоторое время пленных привели в какой-то

город на железнодорожную станцию. Прибыли вагоны. Пленных солдат погрузили, и поезд тронулся. Везли долго с остановками по несколько дней. Высадили на юге Германии, в Силезии, недалеко от границы с Францией. Поделили на группы по несколько человек и распределили по имениям бауэров. Работать на земле отец умел — с детства привык к тяжёлому труду, поэтому для него было не слишком тяжело. Немцы уважали трудолюбивых работников и относились к ним хорошо. У хозяина отец выполнял практически все работы. Многому даже научился. Лишь в 1920 г. вернулся из плена домой в Салово. Наша деревня была сожжена. Остался только один дом. Родители были в беженцах, но вскоре они также вернулись на Родину.

В 1921 г. отец женился на местной девушке Наталье и получил от своего отца Филиппа полтора гектара земли. Вскоре родилось трое детей. Построил свой дом, приобрёл скот. Вместе с сельчанами вечерами любил петь песни, но без гармошки. Её купить уже не смог. Таких денег не было...

Воспоминания Александры Рапинчук

Я, Александра Николаевна Рапинчук (девичья фамилия Артемчик), родилась 2 мая 1928 г. в местечке Лоев Гомельского округа. До войны окончила 6 классов Лоевской семилетней школы. Наша семья жила бедно. Папа работал телефонистом на речном транспорте, а мама — домохозяйка с тремя дочерьми.

22 июня 1941 г. началась

война. После первых бомбёжек мы сбежали в деревню Колпень, что в 7 км от Лоева. По пути туда били зенитки, и мы ложились в канавы от страха. Потом снова шли. Папа часто останавливался, так как у него был врождённый порок сердца. Придя в деревню, мы увидели немцев на мотоциклах. Нас они не трогали, а ходили по хатам и собирали яйца, масло, молоко и другие

продукты. Говорили с населением на ломаном малопонятном языке. Так начиналась наша жизнь периода оккупации.

12 декабря 1942 г. умер мой отец. Трудно писать о своём опалённом войной детстве. В условиях оккупации жили в страхе и нужде. Приходилось постоянно трудиться, чтобы выжить и не умереть с голоду, вручную садили картофель, сеяли просо, возили дрова

на саях. Было детям очень трудно. В 1943 г. в нашу деревню днём из Лоева приходили немцы, а ночью — партизаны. Партизаны, как правило, спрашивали, где находятся немцы и какое их количество, брали одежду и еду. Чтобы не угнали в Германию, я и сёстры носили старую одежду и прятались.

В этом же году немцы начали привлекать население для рытья окопов и создания оборонительных сооружений по Днепру. Каждый день строили в деревне всех жителей с лопатами и носилками и длинной колонной отправляли на работу. Сопровождали и охраняли нас немцы. Охранник всё время покрикивал и заставлял быстрее работать. В обед кормили супом и горсткой печенья вместо хлеба. Вечером строили, проверяли и вели в бывшую школу на ночлег. Спали на соломе в одежде, грязные и невымытые. Вскоре пошли слухи, что нас погонят в д. Купейки, которая находилась в 6 километрах от места работ, а оттуда в Германию. Мы этого очень боялись. Тогда я приняла решение, что в Германию не поеду, а при первой возможности сбегу. Вскоре нас погнали на новое место. При входе на огороженную территорию у ворот собралась большая толпа родных с передачей продуктов и одежды. Я решила воспользоваться суматохой и сбежать. Затерялась в толпе и, выскочив с другой стороны, бросилась бежать. Угол улицы был близко, а там огород и сад. Слышны были крики охраны и выстрелы, но я благополучно скрылась. До темноты просидела в густом кустарнике. Под покровом ночи пришла домой в блиндаж на огороде. Теперь нужно было прятаться, так как мог-

ли забрать в Германию. Это было уже перед самым отступлением немцев, окопавшихся на Днепре.

Вскоре населению объявили, что из Лоева нужно идти в деревни, так как за Днепр ожидается большое сражение. К этому времени уже хорошо были слышны артиллерийские залпы. Наших знакомых и родных собралось человек пятнадцать. Мы двинулись на запад и остановились в деревне в 12 км от Лоева. Поселились в хате женщины, которая жила с взрослой дочерью, где заняли одну большую комнату. Спали на полу, а днём занимались делами, кто чем. Грязные, вшивые и полуголодные мы жили в постоянном страхе за свою жизнь. Ночью никто не заходил в дом. Хозяйка просила не говорить, у кого мы прячемся, даже если немцы поймут и будут пытаться. Я боялась, что могу не выдержать пыток и выдать.

Вскоре немцы начали искать молодёжь для хозяйственных работ. Девушек в основном брали на кухню. Одну знакомую из Крупеек поймали и забрали на работы. Мы стали прятаться. Сначала я с братом, 1928 года рождения, сидели в сарае, где раньше были свиньи. Нас хозяйка прикрывала соломой и тряпьем. Время от времени мы с братом меняли место и залезали под пол в хате. Там я вырыла яму, где днём мы тихонько лежали, а на ночь вылезали в комнату.

Однажды трое немцев на лошадях приехали во двор. Начался обыск. Немцы начали дёргать доски пола. Я дрожала от страха. Казалось, что они меня вытаскивать даже не будут, а просто убьют. С немцами был мальчик Коля из Лоева по фамилии Козёл.



Александра Рапинчук, 1949 г.

Они его посылали на чердак, а затем приказали лезть под пол. Он полез, а я ему показала пальцем: молчи. Он хоть и увидел нас с братом, но немцам ничего не сказал. Однако немец не поверил и решил сам залезть под пол. К счастью, он был толстый и неуклюжий. Посмотрел вокруг и нас не заметил. Вскоре немцы уехали — и на этот раз Бог миловал.

Через день немцы объявили, чтобы все выходили на улицу, так как будут деревню сжигать. Что делать? Выбора нет — или идти, или гореть заживо. Мы с братом решили остаться. Сидели под полом и слышали на улице плач детей, рёв коров, крики и выстрелы. Наши родные уехали. Потом мы узнали, что им удалось сбежать. Вскоре и мы покинули своё убежище. На улице один человек сказал: «Возвращайтесь в Лоев и не бойтесь. Население копает ямы под бункеры. Облавы не проводятся, а на ночь отпускают людей домой». В три часа ночи прошли д. Козероги, а там уже рассвело. Мы по-прежнему шли домой к родным. Страх охватил наши души. Мы не знали, что будет дальше.

Недалеко от Лоева увидели бегущего немца. Он начал махать нам рукой и кричать: «Ком, ком!...». Мы остановились, и он приказал нам идти и копать большую полукруглую яму для бункера. Немцы рассчитывали зимовать в Лоеве, поэтому строили укрепления. Мы копали весь день, а вечером нас отпустили домой, приказав прийти утром. Но мы больше туда не пошли, а стали прятаться в своём блиндаже. На нашу улицу немцы никого не пускали, так как там была передовая, а рядом — Днепр.

Некоторое время мы жили в маленькой хатке на окраине у старенькой бабушки. На ночлег в хатку набивалось очень много людей. Однажды только-только все уснули, как вдруг раздался сильный взрыв, от которого вылетели окна. Люди бросились в выкопанный недалеко от дома блиндаж. Начали рваться снаряды, загорелись дома. Нас охватил ужас. Мы знали, что это бьёт советская артиллерия. Видимо, начиналось наступление и форсирование Днепра. Несколько дней не стихал непрерывный артиллерийский гул. Мы, как мыши, сидели в блиндаже и лишь причитали: «Господи, помилуй и спаси!». Вечером приоткрыли вход и увидели соседа, который поднял руки вверх, и что-то кричал. Думали, что их всех убили. Кругом была паника. Мы увидели бегущего немца, который бро-

сил автомат на наш блиндаж. С другой стороны немцы несли на одеяле раненого. Мы были в шоке от происходящего. Вокруг стрельба, дым. Что делать? Люди бежали в сторону парка, кто с чем. Через некоторое время мы услышали советское радио и поняли, что в Лоеве советские войска. Это было 17 октября 1943 г.

Люди благодарили Бога, обнимались и целовались от счастья. Назавтра решили идти к своему дому посмотреть, что осталось. Дом был цел, но без окон, дверей и пола. Исчез и спрятанный под полом сундук с одеждой. Мы дома не остались и пошли в заводской блиндаж, где были люди. Там увидели свою мать, соседей и родню. Я отпросилась у матери вернуться домой и посмотреть, что осталось в погребе. Там нашла разрезанный мешок с просом, перемешанным с песком. Я его собрала. И вдруг взрывы, огонь, стрельба. Всё вокруг горело и было в дыму. Я решила бежать в блиндаж. Чудом и на этот раз спаслась. Наш дом и дома соседей сгорели. Хорошо хоть, что под обстрелом никто не погиб.

После этого ужаса мы жили месяц на лугу около д. Кошовое, думая, что немцы будут отбивать Лоев. Хорошо, что не было бомбёжек. Жили под открытым небом и спали на соломе. Утром одежда покрывалась инеем. Той зимой снега до января не было. Мы испытывали такой голод и холод,

что я и сейчас содрогаюсь от воспоминаний. Куда деваться? Дома нет. На какое-то время остановились у одной бабушки. Потом начали возить брёвна для дома. Лошади не было, поэтому мы все впрягались в телегу и тянули. Несколько километров везли самотуж лес. Спасибо одному дедушке, который сделал на Днепре плот и приплывал на нём к берегу. Мы вытаскивали брёвна из воды и везли. Только в 1946 г. речники начали строить нам дом. На эти нужды государство выделило ссуду.

В 1946 г. я окончила 8-й класс в Лоеве. Нужно было учиться дальше. Мне было тогда 18 лет. В том же году меня приняли в Лоевский жилотдел на работу писарем. Условия были плохие, писали на газетной бумаге. Вскоре по направлению я уехала на учёбу в Брестскую торгово-кооперативную школу, которую окончила с отличием. По распределению попала в Дрогичинское райпо. Возвращаться было некуда, так как в 1946 г. умерла наша мать. В Дрогичине вышла замуж за фронтовика-инвалида. В местном райпо проработала 38 лет. С мужем вырастили двоих детей.

Вспоминая своё опаленное войной детство, понимаю, что только чудо спасло меня от неминуемой гибели. Сегодняшняя молодёжь должна знать, через какие испытания прошло наше поколение, и какой ценой досталась нам Победа.

Редколлегия:

Сергей Граник — главный редактор, директор Военно-исторического музея г. Дрогичина;
Сергей Волосюк — заместитель главного редактора, преподаватель истории гимназии г. Дрогичина;
Евгений Квачук — учитель истории Перковичской ОСШ;
Светлана Кинчак — директор Липниковской ОСШ, историк-краевед;
Алеся Стасюк — методист отдела культуры Дрогичинского райисполкома;
Владимир Зенько — консультант, оригинал-макет и вёрстка, директор ОДО «ИРА «Паляшук» (г. Пинск).

Издатель:

Военно-исторический музей г. Дрогичина
Адрес редакции: 225612, Брестская область, г. Дрогичин, ул. Ленина, 163.
Тел. 8-01644-3-14-22;
e-mail: nash_kraj@mail.ru
Газета издаётся на русском и белорусском языках.
Тираж 199 экземпляров.